

* * *

Бог есть! — а значит, все позволено,
пусть даже неугодно кесарю,
запрет — в тебе, дели на ноль его
в геометрической прогрессии,

уже задела ссылку стрелочкой —
теперь терпи, пока загрузится,
и разродится, и раскается,
отформатируй по возможности
весь диск. Дрожать над каждой мелочью?
Все, что держало — да, разрушено,
пугает разве апокалипсис,
все остальное — просто сложности.

А что осталось — то и значимо.
«Майнай!» — махни рукой крылатому,
спустившись, улыбнись бескрылому
за безупречную сознательность.
Будь я китайским иероглифом,
я это так изобразила бы:
мир рассыпается на атомы
и разъезжается на роликах.

* * *

Они не знают зеркал.
Их отраженье — полет.
На волглых пролежнях скал
небесной манны склюет —
и вновь вольна и легка,
что в ней? — всего ничего.
От сильных мира сего —
к счастливым мира сего.

Ольга Андреева — поэт. Родилась в 1963 году в г. Николаеве. Член Союза российских писателей, Южнорусского Союза писателей и Союза писателей XXI века. Автор поэтических сборников «В случайной точке» (2003), «Эволюция ветра» (2003), «Аритмия» (2003), «Вещь не в себе» (2007), «Оставаясь водой» (2010), «Равноденствие» (2012), «Лестница тавров» (2013), «На глобусе Ростова» (2016). Публиковалась в альманахе «ПаровозЪ», в журналах «Нева», «Новая Юность», «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Аргамак», «Южное сияние» (Одесса), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск) и др. Лауреат конкурса «45 калибр» (2013, 2015). Дипломант Тютчевского конкурса (2013). Финалист Прокошинской премии (2014). Член жюри конкурсов «Провинция у моря» (2016) и «45 калибр» (2017). Живет и работает в Ростове-на-Дону.

* * *

Я из тех, кому нужен — храм,
я — строитель его и жрец —
пусть из скромных — но свет играл
на сетчатке — и я в игре:

улетающее — схватить,
так и льнущее — отшвырнуть,
презирающего — простить,
мерить звуками глубину,

консервировать свет в слова —
это мой основной инстинкт,
это птичьи мои права —
сквозь неправду и страх — расти.

* * *

Утешься, без эмоций.
Что ж, лучше не бывает.
Волна придет, и смоеет,
и камни обкатает
китайским крепким чаем
с мелиссой, с мятой, с медом.
А человек для счастья —
как рыба для полета.

Хотел сказать красиво —
а вышло гениально,
но ты ж неприхотливый,
тебя не баловали.
Тут каждый лбом о стену
себе на радость бьется.
Он знает себе цену.
Она не продается.

Как нитка за иголкой,
как драка за обмолвкой,
по зеркалу дороги —
в калейдоскоп заката.
С кем изменяет память?
Утешься пустяками.
Ты помнишь слишком много.
И так трещит башка-то.

* * *

Чай, подстаканник, море за окном,
едва проснулась и боюсь сфальшивить,
испортить мир наивностью... бином
Ньютона — все мы только морем живы,

из моря вышли. Возраст суеты
уже не терпит, чай на дне стакана,
пора *стереть случайные черты*
и вовремя прочистить все вулканы.

Полмира спит, укрыв тела от звезд
и комаров. Вторая половина
выходит к морю, дышит в полный рост
и отдается радости невинной.

* * *

Как славно мыть горячий белый камень
водой пахучей, солнечной, звенящей,
дождями, летом сотканной — из воли,
и с натяженьем — тетивой прохладной,
натянутой во мне, потенциалом
пружины бытия, его ресурса.

Последний дар — последним буйством красок,
и умереть и заново родиться,
так жить честнее — сквозь июль бессвязный,
сквозь грозы, наводнения и птицы
перо, и сердце девы — беззащитно,
но до конца не знают... Без гарантий
живут в полете. Может, им зачтется.

* * *

От рассвета темнеет в глазах —
мне нельзя слишком рано вставать.
Есть у жизни пружина — назад,
на колени, в утробу, в кровать!

Так хотелось ее удержать —
нет, летит сквозь меня в никуда.
Камышинки — антенны дрожат,
светел ум — да рука не тверда.

Не осилил — а значит, неправ.
Ну куда тебя черти несут?
Ну не может быть здесь переправ.
Справедливости нет. Только суд

да анапеста радостный бес.
Православному Бог не указ.
Мир тебя вознесет до небес —
после выронит столько же раз.

* * *

Наверно, кто-то дал отмашку —
с холма посыпались ромашки.
Хотелось истово креститься —
не веря ни в себя, ни в Бога.
Все относительно. Дорога
из-под колес — в рассвет, навывлет.
Осколки сновидений в лицах —
так рано, мы уже отвыкли,
часы перевели куда-то
аж до Урала депутаты.

Разъезды, стрелки, перегоны,
боль полустанков, сцепок лязги,
пока страна торгует телом —
водой Байкала, нефтью, газом.
Унылый уют вагонный...
Нет ничего страшнее степи,
берущей в летний зной за горло.

Машина времени сломалась,
оно теперь идет по кругу,
трос оборвался и спиралью
без нас ушел пространство корчить,
мы улыбнулись аномально,
пытаясь поддержать друг друга,
враньем, пропитанным моралью,
снимаем омерзенье порчи...

ЛАГО-НАКИ

Сушняк укроет камни, чтоб не мерзли,
березы-сестры пьют единым корнем —
сиамские, и каменное море
волнуется, и дальних гор аккорды.

Здесь в мае снег — чем только люди живы —
святой водой и адыгейским сыром,
хвощи, плющи, хрущи по-над обрывом
да цветики альпийские пунктиром.

Лошадок длинношеих, длинноногих
фантомы зазывают в жизнь другую,
да к Фишту каменистые дороги —
упругие косички сулугуни...